Победители Гитлера
Шеренга Бессмертного Полка

«Иногда стена из людей крепче, чем стена из камней!»
Д. Геммел. «Троя»

«И кроме желания выжить,
  Есть еще мужество жить.»
Р. Рождественский

«Что может сделать один мальчик против Великой Германии?»
Сериал «Молодая гвардия»

«Мы бы погибли, если бы не погибали.»
Г. К. Жуков

Лида и Мила
Две эти девушки, двоюродные сестры моей бабушки, которая тогда еще не была ничьей бабушкой (до моего рождения оставалось больше двадцати лет) оказались в блокадном Ленинграде со своим отцом (профессором биологии) и котом Кузей. Причем, кот был не живой, а заспиртованный для опытов по биологии. Когда ученый-биолог умирал от голода, то написал в завещании: «...А кота завещаю своим дочерям, Лиде и Миле.» Этот кот и спас девушек от голодной смерти — съев его они смогли продержаться до прихода помощи. Когда появилась возможность, их отправили в эвакуацию. Девушки выжили, вырастили детей и внуков. После войны у Милы отнялись ноги, а Лида дожила только до пятидесяти шести лет.
Фюрер сверхчеловеков отправил свои войска убить этих девочек и многих других людей. Но они оказались сильнее "тысячелетнего" рейха, который просуществовал всего 12 лет. Девушки не сдались, они выжили тогда, а ушли из жизни в назначенный срок в кругу родных и близких. А вождь сверхчеловеков сдох в одиночестве и был сожжен "соратниками" в яме под забором.

Тимофей Захарович

Это мой дедушка. В отличие от большинства воевавших, он вернулся с войны дважды, потому что уходил на нее два раза. Первый раз его призвали еще в 1938 году. Он успел повоевать с японцами на озере Хасан. Дед служил в морской пехоте Амурской флотилии в составе знаменитой бригады полковника Безверхова в должности комиссара батальона в звании старшего политрука. Осенью 1941 их часть перевели под Москву, где они участвовали в контрнаступлении. Восьмого января 1942 он был представлен к ордену Боевого Красного Знамени, о чем тогда не узнал: девятого января у его ног взорвалась мина и дед получил 47 осколков в обе ноги, после чего провел двое суток на дне воронки, образовавшейся от взрыва мины. Напомню, это был январь сорок второго года и температура воздуха соответствующая (средняя температура того января — минус 19). Вызволить деда не было никакой возможности: вокруг шли ожесточенные бои, продолжался интенсивный обстрел.
У деда началась гангрена. Когда его, наконец, вытащили, батальоном командовал сержант, офицеры все погибли...
Потом полгода госпиталей, «белый билет» («не годен к строевой службе»), полгода долечивался дома, потом целый год дед работал в политотделе штаба СИБВО, привыкал к «мирной» жизни.
Потом добился пересмотра решения медкомиссии (на «годен к нестроевой службе») и с восьмой попытки в ноябре 1943 года ушел второй раз на фронт, на этот раз добровольцем. А ведь мог и не ходить! Остался бы с «белым билетом», да и должность в политотделе гарантировала «бронь» (возможность не воевать). А он ушел воевать не смотря ни на что. Был награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной Войны, медалями. Повоевал в Италии, в миссии при войсках союзников, в Венгрии и Австрии. Закончил войну дед в Вене, в звании гвардии полковника. А домой вернулся только в конце 1946 года из Болгарии: там он руководил домом болгар-советской дружбы.

Василий Захарович
Это младший брат моего деда. Лейтенант. В марте сорок четвертого года он командовал взводом связи. В одном из боев, когда все его подчиненные выбыли из строя, он обеспечивал связь со штабом дивизии, даже когда был тяжело ранен в руку: у него была раздроблена кость предплечья. Он не вышел из боя, пока не потерял сознание. Позже, в госпитале, ему ампутировали руку. А в апреле представили к ордену Красной Звезды.

Валеркин дедушка

В середине семидесятых, заходя к однокласснику Валерке Юдыцкому, я встречал там его деда. Щуплый старичок тогда продавал газеты в киоске в одиннадцатом гастрономе. При взгляде на него, трудно было представить себе бравого артиллериста, истребителя танков. Четыре года он служил в дивизионе сорока пяти миллиметровых противотанковых пушек. Если по телевизору показывали фильм о войне, он вставал и выключал телевизор. «Раз пальнули, и танк горит. Все было не так. Иногда и восьми снарядов было мало, чтобы только повредить танк». Такова же была его реакция на фильм «Горячий снег». О войне он не любил разговаривать, только один раз обмолвился: «Труднее всего было пушку из колеи выкапывать, когда дождь идет. Грязи очень много...» Мы с Валеркой никак не могли понять, о чем идет речь. Какая там грязь, при чем тут колея, ведь разговор о войне! О битвах и героях!

Петр Игнатьевич

Это мой другой дедушка, мамин отец. Про него мне известно очень мало: родители почти ничего о нем не рассказывали — мама сама мало что знала о своем отце, только то, что он заведовал «какими-то военными складами» на Курильских островах, что давало ей возможность носить шелковое платье из списанного японского парашюта, предмет зависти всех ее подруг. И не понятно было, за что он получил орден Красной Звезды. И только в наше время (несколько лет назад), когда в открытый доступ выложили архивы министерства обороны, я узнал, что капитан арт.-тех. службы, начальник отдела вооружения артиллерийского полка, во время войны с Японией награжден «за бесперебойное обеспечение войск фронта вооружением». А еще я узнал, что мой дед высаживался на Курильских островах.

Интересно, что на сайте "Память народа" указан только один орден Красной Звезды. А у отца хранятся два таких ордена, принадлежавших Петру Игнатьевичу. Дело в том, что после окончания войны дедушка перевелся из армии в милицию. Майор милиции проходил службу в г. Черновцы, где в те годы проводилась борьба с бандеровским подпольем. Видимо, именно там он заслужил свой второй орден.

Зинаида Петровна

Это моя бабушка. Непосредственного участия в военных действиях она не принимала: не пустили. Начальник штаба СИБВО сказал ей: «Мать, твое дело сыновей растить. Сейчас это важнее для страны». И товарищ старший политрук («мать») осталась на работе в разведывательном отделе штаба и продолжала преподавать на курсах младших политруков военную географию и международное положение. Рабочий день ее длился с семи до двадцати двух. До обеда — преподаватель, после обеда — переводчик с английского и японского языков. Я не знаю, что за документы имели гриф «К», но бабушка очень гордилась допуском к этим документам. У моего отца до сих пор хранится русско-японский разговорник для проведения допросов японских военнопленных, изданный в конце тридцатых. Конечно, бабушка никаких допросов не проводила, работала с открытыми источниками, гордилась, что читала японские газеты без помощи словаря. Закончила она войну в звании капитана.

Среди шести ее медалей (в основном, юбилейных) была одна, особенно для нее ценная: медаль «За боевые заслуги». «К штыку приравняли перо!» - однажды процитировала она классика, когда мы разговаривали о ее наградах...